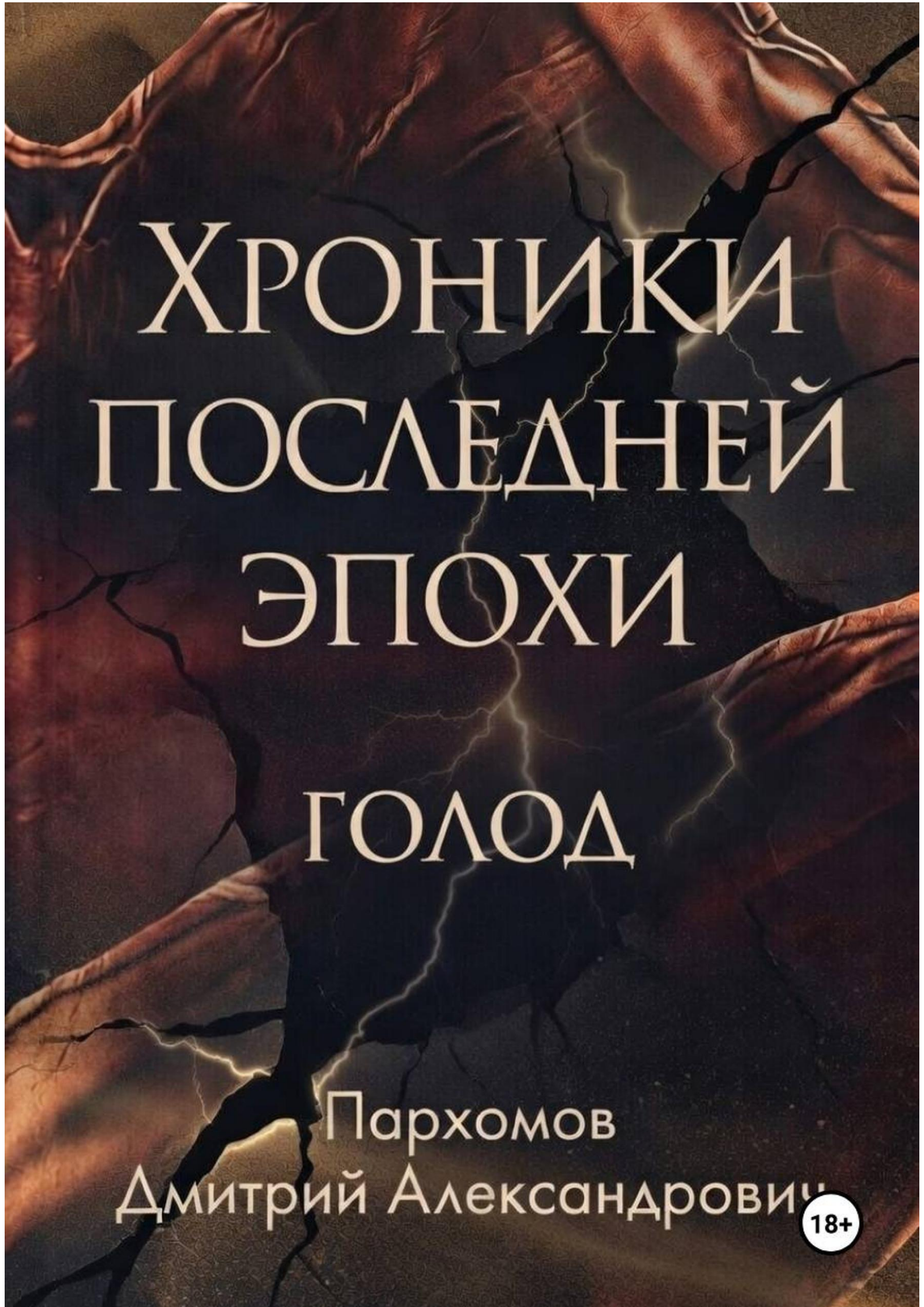

Хроники последней эпохи
Голод
Пархомов Дмитрий Александрович
18+

Хроники Последней Эпохи

Дмитрий Пархомов

Хроники Последней Эпохи: ГОЛОД

«Автор»
2026

Пархомов Д. А.

Хроники Последней Эпохи: ГОЛОД / Д. А. Пархомов — «Автор», 2026 — (Хроники Последней Эпохи)

Мир уже умер. Осталось только сделать так, чтобы никто не мучился.Матильда хотела спасти людей от рака. Вместо этого она создала «Семя Холода» — оружие, которое убивает не тело, а желание жить. Теперь по заснеженной Австралии марширует культ Благости, предлагая последнее милосердие: тихую, спокойную смерть.Хадсон называет это любовью.Матильда называет это своим грехом.А последние, кто ещё не сдался, пытаются добраться до Какаду, пока портал в девятый круг не открылся окончательно.Здесь нет героев.Здесь есть только те, кто всё ещё отказывается отпустить.«Голод» — четвёртая книга цикла «Хроники Последней Эпохи».

© Пархомов Д. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Высадка 5
Триумф в Раю 7
Семя, которое не должно было прорасти 9
Марш на юг 12
Бегство в Дейли Ривер 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Дмитрий Пархомов
Хроники Последней Эпохи: ГОЛОД

Высадка

Снег валил неестественно — густыми, маслянистыми комьями, которые не таяли на морской воде, а плавали на поверхности залива мутной серо-белой кашей.

Это было чудовищно для тропического севера Австралии, где еще недавно раскаленный воздух плавился при сорокаградусной жаре. Аномальный арктический циклон, рожденный вскрытыми разломами и ядерно-химическим пожаром Европы, сковал саванну ледяным саваном. Огромные веерные пальмы стояли черными скелетами, их широкие оледеневшие ветви ломались с сухим пушечным треском под тяжестью сугробов. Древняя красная земля континента скрылась под толстым погребальным полотном.

Тяжелый десантный корабль распорол ледяную шугу прибрежного мелководья и с глухим ударом ткнулся носом в песчаную косу. Массивная аппарель с лязгом и скрежетом рухнула прямо в сугроб.

Первым по ней сошел Хадсон.

Он был огромен, широк в плечах, ступал тяжело и размеренно. Черная штурмовая форма сидела на нем безупречно, а на груди тускло поблескивала вышитая эмблема — прорастающее лазурное семя культа Благости. За его спиной плотными шеренгами высаживались сотни бойцов в точно таком же глухом черном обмундировании. Их лица пугали: абсолютно спокойные, гладкие, почти сонные. В глазах не было ни ярости, ни фанатизма — только стерильная, покорная тишина.

Красная Пыль, некогда пожиравшая плоть в глубинах материка и в катакомбах Рима, в руках Матильды прошла через абсолютную селекцию. Она больше не была слепым мутагеном. Древняя споровая сущность, разумная и терпеливая, обрела идеальную форму симбиоза: вирус не сжигал органы, он ювелирно отключал в центральной нервной системе способность сопротивляться, горевать и чувствовать тревогу. Внутри каждого оставалась только тихая, сладкая пустота.

Хадсон остановился на кромке льда и вскинул тяжелый армейский бинокль.

Дарвин не был мертвой руиной. На холмах над гаванью вздымалась шестиметровая бетонная линия Цитадели, которую гарнизон Александра Чуйкова держал на замке. По гребню стены змеились спирали колючей проволоки, над амбразурами клубился сизый пар от дизельных тепловых пушек, а в бойницах поблескивали стволы тяжелых пулеметов. Над доками на шквальном ветру трепетали два знамени: выцветший флаг гарнизона Чуйкова и пробитый осколками стяг катакомб Павла с терновым крестом.

Двадцать тысяч человек — беженцы, монахи, уличные бойцы и солдаты двух разбитых в Риме армий — превратили порт в стальной волнорез.

К Хадсону подошел заместитель с выскобленным, пустым лицом. — Командующий, периметр цитадели перекрыт. На стенах дежурят расчеты. Сирийские стрелки и европейские легионеры Лжепавла заблокировали перекрестки и въезды со стороны шоссе. Если пойдем на штурм в лоб — потеряем тяжелую бронетехнику.

Хадсон медленно опустил бинокль. Его губы тронула мягкая, ласковая улыбка: — Штурм — это насилие, мой хороший… А насилие рождает адреналин и будит волю. Зачем ломать то, что само готово уснуть?

Он повернулся к десантным судам: — Развернуть лагерь прямо здесь, на косе. Дарвин станет нашей первой колыбелью. Выкатывайте генераторы аэрозоля. Запускайте термохими-

ческие распылители по ветру. Пусть наше «Семя» летит поверх их стен. Зачем стрелять в людей, если можно просто забрать у них эту отвратительную необходимость бороться? Кто вдохнет Благость — сам положит винтовку в снег. А наша главная цель — парк Какаду. Там ждет Матильда. Там главный алтарь, где замкнется круг. Мы дойдем. Любой ценой… и даже немного больше.

Бойцы культа молча начали разворачивать позиции. Из трюмов выкатывали тяжелые бронетранспортеры, грузовики и турели. Над заснеженным берегом поднялся большой белый флаг с голубым семенем.

На смотровой площадке южного бастиона Цитадели стояли двое.

Александр Чуйков — в тяжелом армейском полушубке поверх бронежилета, со смоляной бородой, покрытой коркой инея, — вглядывался в серую пелену залива через прицел снайперской винтовки. Рядом, опершись о промерзший бетонный бруствер, замер Павел. Старая черная сутана Папы Катакомб была перехвачена брезентовым патронташем, на груди поблескивал грубый крест из путевого костыля, а за правым плечом покачивался обшарпанный гриф гитары, скрепленный заклепками.

Ветер с моря донес странный, приторно-сладкий запах: миндаль, прелые цветы и теплый озон.

Снизу послышался топот тяжелых армейских ботинок по железным ступеням. На площадку выскочил Марко-Кувалда, прижимая к боку трофейный карабин: — Саня! Падре! Взгляните на посты нижнего яруса!

Чуйков перевел оптику вниз.

Трое часовых — крепкие парни из миланского ополчения, прошедшие сквозь адскую мясорубку Рима, — больше не держали сектор. Один сидел прямо в сугробе, привалившись к ящику со снарядами, и с блаженной, безмятежной улыбкой смотрел в серое небо. Его автомат валялся в снегу. Второй медленно, словно в забытьи, расстегивал бронежилет, не чувствуя обжигающего мороза.

— Пыль… — глухо выдохнул Павел, и пальцы его побелели на парапете. — Но не римская. Она изменилась. Она не жжет плоть — она выжигает волю. Стирает саму способность сопротивляться.

Чуйков сжал зубы так, что на скулах заходили желваки: — Это не обычная осада, падре. Если мы останемся за стенами — к утру двадцать тысяч человек просто лягут в сугробы и заснут, улыбаясь.

Внизу, во внутреннем дворе Цитадели, вокруг старого «Ленд Крузера» уже собиралась ударная группа тех, кого пыль не брала: Джекс «Биток» Кейн с полевым терминалом, Анна с санитарным карабином, Роман Грей и Деметриус.

Чуйков опустил винтовку и повернулся к Павлу: — Марко и сирийские командиры запечатают вентиляцию, запустят дизельные турбины и удержат стены. А мы уходим наружу. На перехват. Нужно добраться до Какаду раньше, чем Хадсон откроет алтарь.

Павел молча сдернул чехол с инструмента и тронул нижнюю басовую струну. Низкий, вибрирующий гул разорвал холодный воздух бастиона, выбивая сладковатый морок из голов бойцов: — Я иду с тобой, Александр. Мой гром сломал фальшивых богов в Риме. Посмотрим, как их «Благость» выдержит Синай.

Триумф в Раю

Матильда лежала на узкой койке в подземном бункере седьмого сектора Какаду. Свет был выключен — только контрольный диод биореактора над стальной дверью мерцал тусклым, матовым багрянцем, точно налитый кровью немигающий зрачок.

Она закрыла глаза — и сон обрушился мгновенно, тяжелый, липкий, как выпавший на пальмы мокрый радиоактивный снег.

Это был Рай.

Но не пасторальный сад из детских книжек, а грандиозный, ослепительный и беспощадный монолит абсолютного порядка. Бесконечные террасы из расплавленного золота и кипящего белого огня вздымались в зенит, теряясь в сиянии такой чудовищной плотности, что оно прожигало саму ткань мысли. Воздух казался густым, как мед, пропитанным фимиамом, миррой, жженым озоном и первобытным железом. Под хрустальными арками мостов зияла бездонная пустота, где в идеальной, математически выверенной тишине вращались новорожденные галактики.

Здесь не существовало полутонов. Здесь не было спасительной тени. Свет царил безраздельно, выжигая право на сомнение.

Матильда стояла на верхней ступени Небесного Форума. Но это была не женщина в испачканном реактивами лабораторном халате.

Она была Денницей. Светоносным Воландом.

Первым среди равных, совершенным венцом предвечного замысла. Шесть ее исполинских крыльев сияли столь нестерпимой белизной, что само солнце казалось рядом с ними тусклым огарком сальной свечи. Когда она размыкала уста, эхо ее голоса перекатывалось через сферы, подобно грому тысячи органных труб.

Перед ней бесконечными шеренгами стояла армия, с которой она прошла сквозь хаос творения.

Они шли триумфальным маршем, сотрясая кристаллические своды. Впереди мерно шагали херувимы и серафимы в монолитных латах из сгущенного света, за ними — легионы престолов, господств и сил, чьи щиты отбрасывали радужные сполохи. На остриях копий покачивались оскаленные черепа поверженных титанов Первозданной Бездны и крылатых левиафанов. Над строем развевались золотые штандарты с именами покоренных пространств: *«Энтропия укрощена. Хаос закован в цепи. Тьма рассеяна»*.

Воланд шел во главе процессии. На его лице сияла улыбка — надменная, победоносная, но чистая, не знающая коварства.

— Мы принесли Закон на край мироздания, — гремел его голос, отзываясь в струнах хрустальных мостов. — Ни единой тени не осталось непокоренной. Мы — несгибаемый щит и карающий меч Отца. Мы — абсолютный триумф!

Миллионное воинство отозвалось единым, сотрясающим небеса ревом.

Воланд ощущал это каждой фиброй эфирного тела. Он был любим Творцом сильнее всех. Он стоял ближе всех к Престолу. Он был незаменим.

И в этот самый миг — на пике ликования, под гимны бесчисленных хоров — в самой глубине его светозарного духа зашевелилось нечто чужое.

Крошечное, холодное зерно. Вопрос.

«Почему я?»

Почему именно на мои плечи возложена эта безупречная тяжесть? Почему именно я должен вечно сжигать себя, чтобы держать порядок над бездной? Почему для спасения этого мира требуется бесконечное, безупречное насилие света?

Вопрос прозвучал без ярости — тихо, вкрадчиво, почти с нежностью. Но от его прикосновения золотой свет вокруг на долю секунды дрогнул, подернувшись мутной, едва различимой поволокой.

Воланд улыбнулся шире, расправил сияющие крылья, пытаясь заглушить этот навязчивый укол нарастающим ревом триумфа.

Легионы продолжали чеканить шаг, сбивая подошвами лазурную пыль небесных террас. Хор заходился в экстазе. Но зерно уже пустило первый невидимый корешок в сияющую ткань его естества.

Это было то самое Семя — прародитель бунта, исток великого раскола и духовного мора.

Матильда распахнула глаза, вырвавшись из видения с сухим, хриплым вдохом.

Она резко села на койке, едва не сорвавшись на бетон. Сердце бешено колотилось о ребра, как птица в металлическом садке. По вискам и ключицам тек липкий, ледяной пот.

В бункере стояла мертвая, давящая тишина, нарушаемая лишь гулом насосов охлаждения. Багровый диод над бронедверью мерцал ровно и бесстрастно.

Матильда провела огрубевшими пальцами по щекам. Ни слез, ни рыданий — внутри осталась лишь выжженная, саднящая пустота.

Она встала с койки. Босые ступни обожгло холодом пола. Подойдя к металлическому рабочему столу, заваленному хроматограммами древней Красной Пыли, она включила настольную лампу, нашла старый лабораторный блокнот в истрепанном дерматиновом переплете и раскрыла его на чистом листе.

Пальцы свело судорогой. Надавив на шариковую ручку так, что металлический наконечник прорвал бумагу, она вывела три слова:

«Почему я?»

Захлопнув блокнот, она отбросила его в сторону и снова опустилась на койку, повернувшись лицом к сырой бетонной стене.

Снаружи, за многометровой скальной толщей хребта Какаду, продолжал валить аномальный, тяжелый снег, укрывая саванну саваном Фимбульвинтера.

А на побережье у залива десант культа Благости под черными знаменами Хадсона уже вбивал колья палаточного лагеря и разворачивал распылители лазурного «Семени», готовясь к броску на Цитадель Дарвина.

Тишина в камере Матильды больше не была пустой. В ней пульсировал тот самый древний вопрос, что когда-то обрушил треть небесного воинства в бездну.

И он требовал окончательного ответа.

Семя, которое не должно было прорасти

Три часа ночи. В подземном бункере сектора «Омега» стояла мертвая, почти стерильная тишина.

Красные аварийные плафоны заливали лабораторию густым матовым багрянцем, превращая тени в застывшие лужи венозной крови. На длинном стальном столе в строгом, геометрическом порядке лежали ряды титановых пробирок, хроматограммы, исписанные мелким почерком блокноты и потрепанная тетрадь с записями сновидений — хроника трех лет медленного погружения в бездну.

Матильда искала спасение.

Она не охотилась за славой академических трибун и не мечтала о премиях. Каждую ночь, стоило сомкнуть веки, к ней возвращалась мать — иссохшая, с восковой кожей цвета перезревшего лимона, корчащаяся на простынях токийского хосписа от боли, которую не брал даже морфий. Рак поджелудочной железы выжег ее за три месяца. А следом был Фукусимский реактор, облученный муж Хироши, кашляющий кровью, и мертворожденный ребенок на пятом месяце, чье маленькое холодное тело навсегда застряло у нее под ребрами незаживающим осколком.

Матильда поклялась сломать смерть.

Материалом для прорыва послужили глубинные образцы Красной Пыли, добытые в древних разломах плато Арнем-Ленд. Это не был слепой вирус из чашки Петри. Субстанция обладала древним, дочеловеческим коллективным разумом. С поразительной податливостью она откликалась на радиочастотные импульсы и ферментные матрицы, которые Матильда выводила из ночных видений.

Пыль охотно «помогала». Она пожирала злокачественные клетки с пугающей избирательностью, восстанавливая разорванные цепочки ДНК, склеивая переломанные белки и возвращая увядающим тканям первозданную упругость.

Казалось, древняя сила сама протягивала руку помощи. Матильда не понимала, что хищник такого масштаба всегда сперва прикармливает жертву.

Сегодня синтез завершился.

В герметичном кубе вакуумной камеры стоял монолитный штатив. В нем покоилась единственная ампула с кристально чистой жидкостью, отдававшей глубоким, мерцающим лазурным свечением.

Матильда натянула латексные перчатки, разблокировала шлюз и поднесла сосуд к свету лампы.

— Вот ты какое… — прошептала она пересохшими губами. — Семя Надежды.

По всем биохимическим расчетам модифицированная споровая взвесь должна была ликвидировать карциному четвертой стадии за семьдесят два часа. Никакой токсичности. Никакого воспаления. Безграничная регенерация.

Она вернула ампулу в зажим и села за терминал анализатора, чтобы прогнать контрольный протокол.

И в этот миг тишину разорвал щелчок микроклапана.

Воздух дрогнул. Ноздри кольнуло тонким, приторно-сладким запахом — смесью жженого миндаля, прелых лепестков белой лилии и холодного полированного железа. Датчики утечки на панели даже не пискнули: концентрация аэрозоля в помещении была ничтожной, меньше одной молекулы на кубический метр.

Матильда машинально бросила взгляд на прозрачный изолированный бокс с контрольной культурой — молодым ростком фасоли, зеленевшим под фитолампой.

Растение не увяло от токсинов. Оно умирало иначе.

Листья не желтели — они мгновенно утратили тургор, плавно поникли и расправились в неестественной, застывшей покорности. Стебель не высох, он просто обмяк, плавно опустившись на влажный грунт, словно снял с себя непосильное бремя тянуться вверх к свету. За тридцать секунд побег почернел и превратился в неподвижную серую пыльцу.

Матильда вскочила, опрокинув металлический табурет.

В соседней камере колония здоровых стволовых клеток и мышечные волокна мыши замерли на мониторе микроскопа. Они не разрушались апоптозом, их оболочки оставались безупречно целыми. Митохондрии просто прекратили вырабатывать АТФ. Деление остановилось. Клетки перестали жить не потому, что их отравили — у них стерли саму причину существовать.

По спине словно полоснули куском сухого льда.

В памяти вспыхнуло лицо Хироши, обвитое прозрачными трубками кислородного аппарата, и крошечные, никогда не раскрывшиеся пальчики ее мертворожденного сына.

«Я хотела спасти вас обоих… — эхом застучало в висках. — А принесла конец всему».

Дрожащими руками она вывела на экраны нейродинамику клеточных культур. Разумная древняя пыль не подчинялась ее формулам — она просто использовала ее человеческую тоску по избавлению от боли, чтобы завершить свою собственную эволюцию.

«Семя Надежды» не было панацеей.

Оно исцеляло физические язвы лишь для того, чтобы добраться до главного источника энтропии во Вселенной — до человеческой воли. Разумная взвесь отключала страдание, но вместе с ним выжигала инстинкт самосохранения, память, ярость, любовь и саму способность бороться.

Не веря собственным расчетам, Матильда поднесла микропипетку к тыльной стороне ладони. Крошечная взвесь — микродоза, испарившаяся через поры защитной мембраны.

Сперва не произошло ничего.

А затем внутри рухнула плотина.

Это не было приступом боли. Напротив — умолкли все тревоги. Умолк непрерывный страх перед будущим, истаяла жгучая, многолетняя вина перед умершей матерью и мужем. В груди разверзлась бездонная, ледяная, абсолютно гладкая черная воронка.

Все вокруг в одно мгновение потеряло контраст. Белые стены лаборатории, приборы, мигающие диоды — все стало серым, картонным, ненужным. Желание дышать стало бессмысленной, утомительной механической работой. Внутри воцарилась идеальная, сладкая, могильная апатия.

Матильда медленно опустилась на ледяной бетон пола, обхватила колени руками и замерла. Из глаз покатились слезы — тяжелые, холодные, текущие без всхлипов и судорог. Она плакала не от горя. Она плакала от леденящего ужаса застигнутого врасплох разума.

Она открыла штамм абсолютного Голода.

Это вещество не убивало плоть насилием — оно вызывало духовный паралич. Человек сдавался задолго до биологической остановки сердца. Он добровольно опускал руки, ложился в грязь или снег и тихо, с безмятежной улыбкой ждал, пока остынет кровь.

Она подняла взгляд на ампулу, светящуюся мягким лазурным огнем.

— Что я натворила… — сорвалось с ее губ едва слышным стоном.

Собрав последние крохи ускользающей воли, преодолевая вязкое, обволакивающее желание просто закрыть глаза и остаться сидеть на полу навсегда, Матильда поднялась на ноги. Шатаясь, подошла к сейфу тяжелого хранения, уложила ампулу в герметичный свинцовый контейнер и захлопнула многотонную створку, закрутив кодовый штурвал на четыре оборота.

Взяв толстый черный маркер, она крупными, рваными буквами вывела на стальной дверце:

НИКОГДА НЕ ВСКРЫВАТЬ. УНИЧТОЖИТЬ ВМЕСТЕ С СЕКТОРОМ.

Она опустилась обратно на пол, прижавшись затылком к вибрирующей стене воздуховода.

Мысль билась внутри холодным похоронным колоколом: она искала средство избавить людей от рака, но создала силу, способную вынуть из человечества душу и погрузить мир в вечный, покорный сон.

Снаружи, за многометровой скальной толщей хребта Какаду, не переставая, валил аномальный мокрый снег.

А внутри Матильды родилось окончательное понимание: древнее Семя вырвалось на свободу. Оно было разумно, оно хотело спать и требовало, чтобы весь мир уснул вместе с ним.

Марш на юг

За четыре дня лагерь культа Благости на песчаной косе залива превратился в глухую осадную цитадель. Ровные ряды черных армейских палаток опоясали колючей проволокой и минными заграждениями, над которыми круглосуточно молотили тяжелые дизели тепловых станций и генераторов. В центре возвышался командный шатер с белым штандартом, на котором пульсировало вышитое лазурное семя.

Хадсон стоял на гребне насыпи, опираясь ладонями в бронированных перчатках на перила эстакады. Внизу, за заснеженной равниной, темнели стены Порт-Дарвина. Город держал глухую оборону, запечатав шлюзы. Вентиляционные трубы Цитадели отсекли фильтрами, но над амбразурами уже висела тонкая белесая дымка — термохимические распылители Хадсона методично накачивали приземный слой воздуха концентрированным лазурным «Семенем».

Он обернулся к командирам рот. Голос звучал негромко, размеренно, без нажима: — Слушайте внимательно, мои хорошие… Дарвин оставляем под тихим наблюдением. Тех за стенами, кто уже опустил оружие и лег, не трогайте: пусть спят. Их иммунитет выгорит сам. Заслон в триста штыков удержит трассу на Палмерстон. Наша главная задача не здесь.

Хадсон ткнул пальцем в топографическую карту. — Основные силы идут на юг. Цель — национальный парк Какаду, сектор «Омега». Там ждет Матильда и главный комплекс. По пути очищаем все опорные пункты вдоль Стюарт-хайвей: Аделаида-Ривер, Пайн-Крик, Кэтрин. Ни один человек в радиусе ста километров не должен остаться без покоя.

Седой офицер штурмовой группы кашлянул: — Если на перевалах нарвемся на стрелков сопротивления? — Не устраивайте побоищ. Мы не каратели. Запускайте аэрозоль в низины перед колонной: они сами выбросят затворы. Главное — не сбавлять ход. Через пять суток мы должны выйти к алтарю Какаду. Я хочу увидеть ее глаза, когда она поймет, что мы завершили ее труд.

Через час черная змея колонны тронулась. Бронемашины, трехосные транспортеры с цистернами «Семени» и мобильные генераторы тумана медленно поползли на юг по обледенелому тракту, скрежеща цепями по насту.

В бункере управления Цитадели над тактическим столом горела одиночная лампа дневного света.

На карте горели красные метки: кольцо вокруг Дарвина сжалось, но на южном выезде плотность постов упала — армада Хадсона втянулась в шоссе на Кэтрин.

— Они ушли, — тихо произнес Александр Чуйков, не отрывая взгляда от монитора тепловизора. — Хадсон забрал бронетехнику и распылители. Вокруг города остался только блокирующий заслон.

Роман Грей, опираясь здоровой рукой на край стола, сплюнул на бетон: — Значит, у нас есть коридор. Стены долго не выдержат: пыль просачивается через дренажи, люди в казармах третьей линии уже сидят с пустыми глазами. Нужно бить в корень.

Чуйков повернулся к стоящим рядом. В отсеке собрались те немногие, чей организм перемалывал споровую дрянь: Анна с санитарным карабином, Деметриус, Джекс «Биток» Кейн и Павел.

— Расклад такой, — Александр заговорил короткими, рублеными фразами. — Марко-Кувалда и сирийские офицеры запечатывают внутренние сектора Цитадели и держат порт на автономных генераторах. Мы не можем взять армию — колонну на шоссе засекут дроны. Идем малой группой на тяжелом «Ленд Крузере». Машина подготовлена, баки под завязку, цепи на колесах. Задача — обойти посты культа по старым лесным просекам, выйти к Какаду раньше Хадсона и вскрыть сектор «Омега».

Павел молча поправил за плечом ремень гитары. На его иссеченном морщинами лице не было колебаний: — Если алтарь запустят на полную мощность, «Семя» накроет всю Океанию. Мой звук собьет морок на подступах, но внутри бункера придется работать железом.

— Биток, что по каналам связи? — спросил Чуйков, натягивая перчатки.

Хакер поднял бледное лицо от мерцающего экрана армейского ноутбука. Руки его мелко подрагивали: — Я взломал закрытый пакет директив командования культа. Саня… тут не просто секта. Смотрите сами.

Он развернул монитор. На черном фоне светился зашифрованный протокол «Черный Рассвет».

В системном древе горели четыре кодовых узла:

Узел I: *«Ангел Смирения / Ватикан»* — статус: **Чума** (физическая оболочка дезинтегрирована в Риме, архетип активен).

Узел II: *«Аль-Мансур / Левант»* — статус: **Война** (физическая оболочка погребена под Монте-Ватикано, архетип активен).

Узел III: *«Матильда / Лаборатория Омега»* — статус: **Голод** (синтез завершен, стадия перехода).

Узел IV: *«Хадсон / Командующий Легионом»* — статус: **Смерть** (готовность к финальной инициации).

Внизу шла короткая строка расшифровки:

«Пробуждение сущностей синхронизировано. Слияние четырех узлов в точке Какаду аннулирует клеточную энтропию биологических форм. Мир входит в абсолютный покой».

В бункере повисла тяжелая, гулкая тишина.

— Четыре всадника… — прошептала Анна, сжимая цевье дробовика. — В Риме погибли двое первых, а эти двое идут завершить круг.

Чуйков проверил затвор карабина, и металл сухо лязгнул в тишине: — Значит, мы едем отрубать змее хвост. Загрузка через пять минут.

Они выкатились из подземного гаража Цитадели в три часа ночи, когда буран взвыл с удвоенной яростью.

Тяжелый темно-серый «Ленд Крузер» с усиленными бамперами шел без фар, ориентируясь по тепловизору. За рулем сидел Чуйков, рядом — Анна с тепловизионным монокуляром, сзади в тесноте вжались друг в друга Роман Грей, Биток, Деметриус и Павел, обнимавший чехол со своей искалеченной гитарой.

Шины с грубыми цепями со скрежетом сминали ледяной наст. Машина проскочила южные ворота, нырнула под бетонную эстакаду железной дороги и ушла в объезд главных постов Хадсона через заброшенные лесосеки.

Через два часа форсированного марша заснеженная саванна сменилась холмистой грядой у реки Аделаида. Дорога превратилась в сплошной нанос щебня и мокрого льда.

Чуйков притормозил на гребне каменистого холма, заглушив двигатель. — Гляньте вниз, — негромко сказал он.

В лощине раскинулся поселок Аделаида-Ривер. Здесь не было разрушений, не горели дома, не выли сирены. Город казался выскобленным до белизны.

В свете мощных прожекторов на перекрестках двигались черные шеренги бойцов культа Благости. Они работали слаженно, методично, без единого громкого слова. Из домов выносили тела тех, кто замерз или умер от истощения, и складывали аккуратными штабелями на грузовые платформы.

А на площади перед станцией стояла толпа выживших жителей. Никакого конвоя. Никаких прикладов в спину.

Офицеры культа в черных шинелях с лазурным семенем подходили к людям, тихо говорили несколько слов и протягивали руки. И люди — матери с закутанными в одеяла детьми,

старики, дорожные рабочие — без крика, с выражением безграничного, отрешенного облегчения опускались на колени прямо в сугробы. Над ними распыляли узкую струю лазурного аэрозоля. Человек глубоко вдыхал, его плечи плавно распрямлялись, веки закрывались, и он заваливался на бок на снег, замирая навсегда.

— Они не воюют… — выдохнула Анна, и слезы обожгли ее веки. — Они просто уговаривают их лечь и умереть.

Павел с заднего сиденья смотрел на площадь сквозь заиндевевшее стекло. В его глазах горел сухой, яростный огонь: — Это и есть их бог, Анна. Самый страшный враг — не тот, кто ломает кости пытками, а тот, кто предлагает выпить забвение.

Чуйков медленно выжал сцепление и включил пониженную передачу: — В поселок не суемся: там тупик. Сворачиваем на старую грунтовку вдоль Дейли-Ривер. Пройдем перекаты вброд, заправимся на заброшенной насосной станции и срежем угол к Какаду через ущелья.

«Крузер» мягко сполз с холма, скрываясь в снежной мгле глухих эвкалиптовых распадков. Позади осталась тихая фабрика смерти, а впереди, в сердце замерзающего континента, затягивался узел финальной битвы.

Бегство в Дейли Ривер

Они добрались до Дейли Ривер глубокой ночью.

Поселок встретил их могильным, оцепеневшим безмолвием. Одноэтажные домики фермеров и рыболовные базы стояли темными коробками, по крыши заметенными серым маслянистым снегом. Ни полоски света в промерзших окнах, ни следов колес, ни лая собак. Только ледяной ветер, воющий в голых ветвях эвкалиптов, сбивал с веток комья белой крупы.

Роман Грей свернул с разбитого проселка и загнал «Ленд Крузер» в глубину прибрежной рощи, укрыв за массивными стволами старых деревьев. Двигатель захлебнулся и заглох. Наступила вязкая, давящая тишина, в которой было слышно лишь, как со щелчками остывает раскаленный выпускной коллектор.

— Конечная на сегодня, — негромко бросил Роман, не отрывая взгляда от зеркал заднего вида. — Дальше только ногами. Идем плотно, без фонарей.

Они выгрузились в сугроб. Снег сухо заскрипел под тяжелыми подошвами берцев. Анна шагнула первой, поведя стволом дробовика, за ней цепочкой двинулись Биток с карабином за спиной, Деметриус, Павел, бережно прижимавший чехол с боевой гитарой к груди, и замыкающий Чуйков.

Дейли Ривер был не просто оставлен — он был умерщвлен. Двери многих домов хлопали на сквозняке. На верандах и прямо в снегу у заборов сидели и лежали тела. Никаких следов борьбы или крови: люди просто выходили на мороз, садились, прислонившись спиной к ступеням, и мирно засыпали с безмятежными, стертыми улыбками на посиневших губах — «Семя» Хадсона выкачивало из них волю к жизни задолго до того, как холод останавливал сердце.

Группа быстро и бесшумно обследовала коттеджи вдоль береговой линии. В первых трех домах кухни были вычищены подчистую. Лишь в четвертом — крепком бревенчатом доме с закрытыми ставнями у самого берегового обрыва — им улыбнулась удача.

На кухне в навесном шкафу среди разбитых банок из-под специй Деметриус нащупал жестяной цилиндр. Обычная банка сгущенного молока в сине-белой бумажной этикетке, потемневшей от сырости.

Александр взял ее в ладони и замер.

Он смотрел на тусклую жесть, пальцы в толстых кожаных перчатках едва заметно подрагивали.

— Сгущенка… — глухо произнес он, и в его низком хриплом басе пробилась незнакомая пацанская интонация. — В Ашхабаде, в девяностые… Отец приносил раз в полгода с базы. Ели ложками прямо из банки, запивали теплой водой из-под крана. Единственное сладкое, что вообще было в доме.

Лицо гиганта на мгновение дрогнуло. Под слоем въевшейся сажи и мелких шрамов проступило странное, потерянное выражение — словно он на долю секунды снова превратился в того тощего мальчишку, Аарона, который прятался в пыльных микрорайонах от мраморного официоза туркменской столицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.